

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 740

М.Ю. Кречетова

ВОПРОС О ПОДЛИННОСТИ: Т. АДОРНО VERSUS М. ХАЙДЕГГЕР

Статья посвящена исследованию аргументов Т. Адорно в его книге «Жаргон подлинности. О немецкой идеологии» против экзистенциальной философии М. Хайдеггера и, прежде всего, против его понятия «подлинности». Приводится каталогизация аргументов, а также эксплицируется основной пункт критики – оправдание существующего социального порядка.

Ключевые слова: подлинность, идеология, социальный порядок.

Т. Адорно в своей работе «Жаргон подлинности. О немецкой идеологии» (1964 г.) делает предметом своей критики ряд идеологических импликаций как высокой немецкой философии и литературы первой половины XX в., так и вполне легких, популярных культурных феноменов, а также повседневной коммуникации. При этом он вполне осознанно не проводит границы между «элитарным» и «массовым», «высоким» и «низким». Как в текстах Рильке, так и, к примеру, в обращении босса к подчиненным по случаю Рождества он видит одни и те же идеологические импликации. Более того: именно смешение «элитарного» и «вульгарного» Т. Адорно выставляет как один из базовых признаков этой идеологии. Смысл анализируемых идеологических импликаций – в *оправдании* существующего социального порядка. Сам социальный порядок Т. Адорно толкует неоднозначно. В большинстве случаев речь идет о буржуазном индустриальном порядке. Но зачастую речь заходит и о фашизме. При этом переходы от одного толкования к другому никак четко не прописаны, что задает тему для отдельного серьезного исследования.

Одной из основных точек приложения критических усилий Адорно является экзистенциальная философия М. Хайдеггера и прежде всего ключевое для нее понятие «подлинности». Т. Адорно считает, что хайдеггеровская позиция более тонкая и сложная, нежели позиция О.Ф. Больнова, К. Яспера и иных менее известных философов и литераторов. Однако это не делает ее более «чистой»: напротив, ее идеологическое содержание является тем более опасным, чем менее прямолинейно, простодушно и топорно оно высказано.

Попытаемся каталогизировать и, хотя бы в первом приближении, рассмотреть аргументы Т. Адорно против позиции М. Хайдеггера. Эти аргументы можно, впрочем, вполне условно, разделить на несколько групп:

1) Аргументы, связанные с тем, что нет никакого чистого (в кантовском смысле) *экзистенциального* опыта, а весь опыт является по сути опытом *социальным*.

2) Аргументы, связанные с языком описания этого опыта. По мысли Адорно, это *мифологизированный* язык в противоположность языку, который противостоит процессу мифологизации.

3) Аргументы, связанные с коммуникативными практиками этой философии в целом: М. Хайдеггер *не желает быть понятым* в принципе.

4) Аргументы, носящие эпистемологический характер, связанные с тем, что невозможно наивно (или не наивно) практиковать *онтологические* штуки после *трансцендентального* поворота, осуществленного И. Кантом.

Начнем с первой группы. Нет никакого *интериорного* опыта самого по себе. Во-первых, само понятие интериорности формируется лишь в буржуазную эпоху, и, соответственно, нет никаких оснований приписывать человеку как таковому способности вести целиком внутреннюю жизнь. Во-вторых, в процессе дальнейшего отчуждения субъекта, лишения его различных социальных возможностей в позднебуржуазную эпоху сфера интериорности деградирует и приходит в упадок. Поэтому интеллектуально нечестным было бы выставлять ее сейчас, в нынешнее время, как сферу, имеющую собственное автономное да вдобавок еще и позитивное содержание. Из этого делается вывод о том, что под видом чистого экзистенциального опыта (внутреннего, интериорного) описывается на самом деле опыт *социальный* в различных своих модификациях: опыт маргинальных (в смысле неписанности в господствующий социальный порядок) слоев, опыт иных эпох (прошлого), некий психологический опыт, имеющий своим истоком систему буржуазных отношений. Приведем примеры. Т. Адорно пишет, что в экзистенциальной традиции в целом и у М. Хайдеггера в частности прослеживается тенденция идеализации *сельских, провинциальных отношений*. Противопоставление деревни и провинции, с одной стороны, городской цивилизации и культуре мегаполисов – с другой, призвано указать на неподдельный, аутентичный, «подлинный» характер первых и, соответственно, фальшивый, искусственный и «неподлинный» характер вторых. Т. Адорно резок в своих оценках такого рода противопоставлений. Он пишет, что зачастую в экзистенциальной традиции описываются идиллические сцены уже давно «несуществующей повседневности». Все это описание крестьянского быта с его обрядами и ритуалами, возможно, хорошо для сказки, но решительно не годится как описание того, что есть на самом деле. Косвенным подтверждением этого является игнорирование М. Хайдеггером описаний крестьянской жизни и быта в реалистической литературе: «Ему нет дела до того, как крестьянство показано в литературе, которая не ориентируется на брюзгливые инстинкты немецкого мелкобуржуазного кича: прежде всего во французском реализме, от позднего Бальзака до Мопассана, хотя в переводах она доступна даже досократу» [1. С. 64].

Далее. Сами по себе сельские отношения и крестьянство как их носитель не являются в современную эпоху чем-то самостоятельным и независимым, прежде всего, в экономическом смысле. Аграрное производство не может выдержать конкуренции с индустриальным и существует на грани выживания лишь благодаря субсидиям. Таким образом, крестьянство существует благодаря «поблажкам» со стороны господствующего экономического укла-

да. Да еще благодаря эксплуатации: просто это эксплуатация не наемного труда, а эксплуатация патриархальная – эксплуатация семьи.

Последнюю точку в этом разоблачении «идеальной» крестьянской жизни Т. Адорно ставит, указывая на то, что вся эта наивность и невинность, простота и святость пастухов и пастушек вмиг рассыпаются, например, при падении крестьянина в иную социальную среду: «Сообщение Когона о том, что самые зверские расправы в концентрационных лагерях чинили юные крестьянские сыны, выносит приговор всем речам о защищенности: ее модель – это сельские отношения, которые ввергают тех, кто лишается их наследия, в варварство» [1. С. 33]. Общий итог критических замечаний Т. Адорно укладывается в формулу «делать из нужды добродетель». Основной упрек – в том, что нечто, по сути, ущербное и устаревшее идеализируется и тем самым консервируется, вместо того, чтобы стать предметом критической оценки, а затем и социальных изменений.

Теперь возьмем другой пример, иллюстрирующий идеализацию *прошло-го*. Пара «оседлость» – «мобильность» призвана обозначать, с одной стороны, самобытность, сосредоточенность и немногословность, с другой – суетливость, деловитость, болтовню и постоянную нехватку времени. Т. Адорно считает, что такая оценка – классическое проявление ресентимента и иных психологических комплексов, а не неизменных проявлений «подлинности» и «неподлинности». Ресентимента – поскольку люди, не сумевшие вписаться в отношения мобильности, постоянно проигрывали в социальном смысле тем, кто сумел в них вписаться, и в конце концов просто озлобились против более успешных. Иных психологических комплексов – поскольку узкий и ограниченный круг общения приводит к формированию иных привычек общения и правил коммуникации, нежели широкий и изменяющийся, но ни первые привычки и правила, ни вторые не являются чем-то хорошим или дурным сами по себе, а лишь манифестацией той или иной социальной системы отношений. У М. Хайдеггера же, по мнению Т. Адорно, дается высокая нормативная оценка первой альтернативе, в то время как в настоящее время она является лишь проявлением социально ущербного опыта: «У маленьких людей мало знакомых: сталкиваясь с незнакомыми, они чувствуют себя не в своей тарелке, и их *gancine* (озлобленность) возводит это в добродетель» [1. С. 57].

Наконец, приведем пример, демонстрирующий наполненность экзистенциального опыта *психологическим* содержанием. Т. Адорно разбирает феномен «любопытства» и в общем и целом солидаризуется с М. Хайдеггером в его негативной оценке. Однако если у М. Хайдеггера любопытство выступает как одна из манифестаций неподлинности «во все времена», то Т. Адорно выводит генезис любопытства из травматичного детского опыта, связанного с авторитарным воспитанием: когда ребенок не получает правдивых ответов о поле, он затем, во взрослой жизни, начинает интересоваться вещами, которые его совершенно не касаются, как бы компенсируя былую нехватку правдивых знаний о том, что его касается.

Другой момент, отмеченный Т. Адорно, состоит в том, что социальный опыт в этой традиции и, по видимости, у М. Хайдеггера (по видимости – поскольку во фрагментах текста, описывающих данный феномен, никаких явных ссылок на М. Хайдеггера нет) выступает *нерасчлененным*: нет разных

страт, групп, партий и общественных объединений, а есть единый народ, объединенный единым языком. Согласно Т. Адорно, это совершенно ложное описание. Он, ссылаясь на Кракауэра, дает некую социологическую интерпретацию этого якобы «единого народа»: речь идет о конформистски настроенном по отношению к социальному порядку слое служащих, чей настрой затем начинает распространяться и доминировать во всем обществе, и в конце концов превращается в идеологию. И в скором времени этой идеологии «приходится ко двору» как интеллектуальная позиция, не отягчающая себя рефлексией социальных различий, так и соответствующий язык описания социальной жизни.

Следующим важным сюжетом критики Т. Адорно является восхваление «*позитивного*» и «*благого*». Правда, он оговаривается, что М. Хайдеггер не примыкает к этой тенденции напрямую, а выполняет свою задачу косвенно и опосредованно. Тем не менее она заслуживает здесь короткого упоминания, поскольку «*негативное*», являющееся предметом хайдеггеровских раздумий, не выступает антиподом «*позитивного*», а является, выражаясь гегелевским языком, чем-то наподобие «хитрости разума», когда под видом отвержения и противостояния на самом деле выполняется задача «объективного духа» – оправдание существующего. Итак, восхваление позитивного и благого, даже если, по видимости, оно совершенно асоциально, работает на сохранение существующего порядка вещей. Вдобавок, такое восхваление может иметь и имеет массовый успех (еще одна тема Т. Адорно: соединение избранности и массовости): «Читатель... может – в зависимости от того, относит ли он себя к уровню *low brow*, *middle brow* или *high brow*, – понимать под словом «*благое*» спасение души, или правильную жизнь, или еще не охваченные индустриализацией социальные анклавы, или просто места, до которых еще не дошли слухи о Ницше и Просвещении, или, наконец, нравственный уклад, при котором девушки носят свои венки до самого замужества» [1. С. 32].

Почему же экзистенциальное описание «*негативного*» Т. Адорно ставит в один ряд с «*позитивным*»? У него есть несколько аргументов. Первый аргумент – из сферы коммуникативных стратегий: отрицательные суждения вызывают больший отклик у слушателей и читателей, нежели положительные. Возможно, это и так, но тексты М. Хайдеггера в любом случае не производят впечатление того, чтобы автор слишком уж заботился о коммуникативной доходчивости. Сам Т. Адорно в другой связи пишет о том, что М. Хайдеггер вовсе не желает быть понятным. Излишняя сложность хайдеггеровского текста (имеется в виду прежде всего «Бытие и время», которое, собственно, и анализирует Т. Адорно) не позволяет предположить наличия такой задачи у автора, а именно задачи наибольшего воздействия на читателя. Вторым аргументом Т. Адорно – это превращение нигилизма в метод, в фарс. В этом аргументе на самом деле заложены две разные мысли, которые почему-то идут через запятую, – в метод, в фарс. Первая мысль – о том, что нигилизм сродни картезианскому сомнению. Последнее, несмотря на весь свой радикализм, достаточно скоро «реабilitирует» бытие Бога и восстанавливает «поруганную» картину мира, что делает его, сомнение, как бы не совсем настоящим. Как и нигилизм, на него похожий. Вторая мысль – о фарсе. Фарс, по мысли Т. Адорно, состоит в том, что радикальный вопрос не предполагает столь же ради-

кального ответа, а зачастую не предполагает ответа вообще или рассчитывает на «лояльный ответ». Третий аргумент состоит в экспликации того обстоятельства, что все негативное – страх, смерть, беспочвенность – выставляется в качестве изначальных феноменов человеческого существования, а соответственно как то, что можно *принять*, но нельзя изменить. В то время как они имеют своим генетическим истоком реальные боль, мучение, страх, унижение и страдание, которые как раз изменить можно. Но забвение их генетического истока позволяет перенести указанную установку на реальные несчастья и страдания: раз изменить нельзя, пусть все будет, как есть. Цитируем Т. Адорно: «Никто еще не сумел сочинить метафизического положения, которое не было бы конstellацией элементов опыта, но мыслительная привычка сублимировать базовый опыт метафизики до метафизического страдания и отделять его от страдания реального, которое и вызвало его к жизни, сводит этот опыт на нет» [1. С. 46].

В рамках этого же подхода – искать генетический исток метафизических (онтологических) положений в реальном (онтическом) опыте – Т. Адорно рассматривает положения М. Хайдеггера об *идентичности* (равенстве) самому себе, о *целостности* и о *смерти*. Но здесь, согласно Т. Адорно, работает не механизм переноса, а механизм противопоставления. В реальности человек не является равным самому себе «ни в социальном, ни даже в биологическом смысле» [1. С. 130], не является целостным, а представляет собой набор разных социальных функций, а смерть в конце концов овеществляет человека и исключает какой бы то ни было смысл вообще. Реальность гетерономна, но человек, увы, тоже не автономен, а любое представление его бытия как автономного, представление, не принимающее в расчет реальность, оставляющее ее как бы за скобками, является иллюзорным и выполняет скорее компенсирующую функцию, нежели функцию действительной альтернативы. Таким образом, представление о человеке как имеющем в том числе и выбор в пользу автономности, идентичности и целостности, и не принимающее в расчет реальность, является иллюзией и самообманом в субъективном смысле и, кроме того, безрезультатно – в объективном смысле: все те условия, которые приводили к расщеплению человека и обесмысливанию его жизни, не только не исчезают, а даже усиливаются и приобретают больший масштаб.

Так, можно зафиксировать парадоксальную ситуацию: экзистенциальная традиция в целом и философия М. Хайдеггера в частности противостоит господствующему социальному порядку на уровне *декларативном*, но поддерживает его на уровне *«сущностном»*. Некоторые механизмы такой поддержки были описаны выше. О некоторых других стоит сказать отдельно. Изначально хайдеггеровская философия рассматривает себя как чистое онтологическое исследование по ту сторону всякой онтической определенности: тех или иных состояний общества и культуры. Но эта чистота не может быть «выдержана». Поскольку данная позиция выносит все общественные и культурные определенности за скобки своего рассмотрения, т.е. не рефлектирует их, то они затем возвращаются в это рассмотрение в качестве неотрефлексированных, уже идеологических моментов. Т. Адорно даже выдвигает гипотезу о том, что большей ангажированности философской позиции в современную эпоху, чем большую степень чистоты она намеревалась блюсти изначально:

«Философия тем глубже погрязает в общественном, чем более ревностно она, будучи озабочена самой собой, дистанцируется от общества и его объективного духа» [1. С. 112]. Далее. Сама эта позиция «незаинтересованного наблюдателя», позиция «над обществом», на самом деле таковой не является: это позиция слабого, немощного, бессильного. Это позиция людей или групп, которые не могут изменить общество или как-то влиять на него, поэтому противопоставляют себя как избранных, немногих, самобытных – обществу как массовому, анонимному, безличному etc., в то время как они просто выполняют одну из общественных функций. Согласно Т. Адорно, здесь мы имеем дело с феноменом *ресентимента* в чистом виде: «В профессиональных группах, занятых так называемым духовным трудом, но зависимых или же экономически несостоятельных, жаргон является профессиональной болезнью... Их образование и сознание плетутся вслед за тем духом, которым они заняты в силу общественного разделения труда» [1. С. 24].

Перейдем теперь ко второй группе аргументов – о языке описания, который Т. Адорно называет «жаргоном». Эти аргументы практически полностью симметричны аргументам первой группы. Кратко их можно представить следующим образом:

1) Этот язык не описывает современную реальность, а описывает некую прошлую, *былую* реальность. Достигается это с помощью следующего механизма. Язык меняется медленнее, чем реальность, которую он описывает. Язык в некотором смысле консервативен: наряду с новыми формами в нем сохраняются старые, которые переживают вещи, отношения, состояния, которые они когда-то описывали. Т. Адорно называет это *мифологическим, архаическим* элементом языка. Он неустраним целиком и полностью. Задача такого устранения была бы целиком искусственной. Однако интеллектуально честная позиция должна критически относиться к этому элементу, т.е. проводить, по возможности, последовательную демифологизацию языка. Жаргон же, напротив, превозносит и восхваляет этот архаический элемент, воспекает древность языка. В хайдеггеровской версии это поиск изначального смысла слов. В результате на этом языке невозможно выразить современный опыт.

2) Вышеописанное обстоятельство имеет важное следствие. Поскольку слова более не связаны с конкретным контекстом, не наполнены определенным эмпирическим содержанием, не отнесены по сути к предмету, их можно использовать *для любых целей*: «от проповеди до рекламы». В результате древность, уникальность, избранность соединяются с дурной универсальностью, массовостью и рыночным хождением.

3) Слова данного языка выходят за *пределы собственных значений*. К ним добавляется некий довесок. Классическим примером является трансформация, произошедшая со словом «высказывание». Собственное значение этого понятия – высказывание «нечто» о «нечто». В жаргоне же, по мысли Т. Адорно, в высказывании выражается не только предмет, но и экзистенция говорящего. Тем самым предполагается, что высказывание не может быть истинным, если говорящий не экзистирует подлинно, как, впрочем, и наоборот. Соответственно, такое высказывание становится невозможно опровергнуть. Нарушается одно из условий нормальной коммуникации. А значит, та-

кая позиция не допускает, по сути, существования оппонентов. Она предполагает лишь сторонников.

4) *Игнорирование собственных значений* слов. Т. Адорно считает, что М. Хайдеггер зачастую произвольно обращается со словами, несмотря на декларируемое «вслушивание» в язык. Одним из основных примеров является употребление М. Хайдеггером слов «одиночество» (*Alleinsein*) и «уединение» (*Einsamkeit*). М. Хайдеггер считает, что в городе можно легко быть одному (*allein*), но нельзя жить в уединении (*einsam*). Т. Адорно считает, что это навязанное, искусственное значение. Он апеллирует к великой литературе, а также к классическому словоупотреблению: «Язык... скорее говорит, что в большом городе или на празднике человек может быть одинок (*einsam*), но никогда – один (*allein*)» [1. С. 67].

5) Стилистика этого языка, претендуя на аутентичность и утонченность и даже поэтичность, на самом деле является глубоко *провинциальной* и напоминает, по мнению Т. Адорно, худшие образцы «областнической литературы».

Следующая серия аргументов связана с *коммуникативными практиками* этого направления. О некоторых из них уже было вскользь упомянуто. Однако попробуем перечислить их здесь в некотором порядке. Прежде всего, М. Хайдеггер *не желает быть понятым*. Мысль специально формулируется с такой высоты или из такой недостижимой глубины, что нет никакого содержания, которому можно было бы оппонировать. Потом, в силу уже указанного специфического понимания высказывания, всевозможные участники коммуникации распадаются на две неравные группы: одни, экзистирующие «подлинно», могут лишь принять высказывание, другие, лишенные этой «благодати», не могут критиковать по сути, поскольку лишены одного из главнейших условий «доступа» к истине. Т. Адорно считает такую позицию *антиинтеллектуальной*. Далее. Само построение философского дискурса с безусловным приоритетом *вопроса* над ответом представляется Т. Адорно глубоко ущербным. Он считает, что о важности, глубине, радикальности и прочих существенных характеристиках вопроса можно судить лишь по ответу, который зачастую отсутствует. И, наконец, у Т. Адорно просто стилистические расхождения с философией, которая претендует на «избранность» (философия для немногих) и тем не менее имеет массовый успех.

Последняя серия аргументов связана с невозможностью *наивно* (или не наивно) практиковать *онтологические штудии* после «трансцендентального поворота», осуществленного И. Кантом. Здесь у Т. Адорно несколько аргументов, которые требуют серьезного отдельного исследования, поэтому ограничимся лишь их простым перечислением: вот-бытие – это на самом деле сознание; логически противоречивым является приписывание вот-бытию одновременно онтических и онтологических характеристик; любые онтологические характеристики относятся к уровню понятий, а не уровню предметов.

Так в первом приближении выглядят аргументы Т. Адорно против понятия «подлинности» у М. Хайдеггера. Дальнейшая интерпретация этих аргументов предполагает прежде всего рефлексию относительно того социально-

го порядка, в консервации и оправдании которого Т. Адорно упрекает исследуемую традицию. Речь идет о различении между либеральным буржуазным порядком и фашизмом. И второй, не менее важный аспект, – это оправданность и корректность тех аналогий и параллелей, которые Т. Адорно проводит между «жаргоном подлинности» и фашизмом.

Литература

1. *Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии.* М.: Канон, 2011.